

Юрий Головин

**КОНЕЦ
ЖЕЛЕЗНОЙ
БЕЛЛЫ**

Глеб Соколов

**ШАНС
ДОЖДЛИВОГО
БЕЗУМЬЯ**

Глеб Соколов

Шанс дождливого безумия

«Автор»

1992

Соколов Г. С.

Шанс дождливого безумия / Г. С. Соколов — «Автор», 1992

© Соколов Г. С., 1992

© Автор, 1992

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Шанс дождливого безумья

Эта повесть от первой до последней страницы – плод авторского воображения. Любые совпадения описываемых событий с имевшими место в действительности, а также схожесть героев повести с реальными людьми являются случайностью и не могут опровергать истинность данного утверждения.

(Вместо эпиграфа.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Им много достается, – насквозь промокшим дням в конце сентября. Всего: мокрой грязи на колесах грузовиков, чертыхания пешеходов, которых обдало брызгами проехавшее у кромки тротуара спешащее в аэропорт такси, резких порывов ветра, превращающих мелкий дождичек в перекрестный пулеметный огонь, от которого не спасет и широкий зонт. Но больше другого этим дням достается непонятого, странного чувства: жизнь мокрой землей проседает вниз, и кажется – вот-вот обнажится скрытое под верхним слоем почвы нечто: то ли второпях зарытый сундук, то ли неглубоко схороненный мертвец. – Вынырнет это нечто из своего подземного схрона и что произойдет?.. Озолотит тебя судьба неожиданным кладом? Напугает досмерти, засмердив воздух вокруг запахами разложения.

Странное чувство оживает в душе в эти дни, – ждешь чего-то, боишься и не веришь себе. Ведь все тогда становится зыбко, туманно, пасмурно. И на какие дела не решишься, чего не сотворишь, когда жалобно скрипящие на столбах фонари едва разгоняют моросящий сумрак, а бледная луна похожа на единственный глаз мерзкой крючконосой старухи, подглядывающей в темное окно, как трое насилуют в ее заросшем бурьяном палисаднике девушку. Подглядывающей, но не вмешивающейся.

***

В нее никогда не целились из огнестрельного оружия. Самой стрелять приходилось, но чтобы в нее – никогда. Иначе бы сейчас родилось сравнение: словно находится перед безжалостным зрачком автоматного дула, и невозможно пригнуться, нельзя убежать...

Этот мертвящий, рожденный где-то в сердцевине костного мозга, на грани предчувствия, страх длился недолго. Потому что в следующие мгновения немолодая женщина поняла, – она не одинока в своем животном предощущении гибели. В противном случае на территории полузаброшенного пионерлагеря, давно покинутого детьми, но не покинутого ею и теми, кто занимался одним с ней делом, не погас бы теперь свет. И не смолк бы в потухшем телевизоре диктор, едва успевший произнести мстительную, как показалось немолодой женщине, фразу:

«...А также все поддерживавшие преступный ГКЧП лица».

Густая, дождливая тьма, с одинаковым равнодушием укрывавшая бывших путчистов и тайных агентов, мирных фермеров из близрасположенного села и парочки, возвращавшиеся под мокрым небом из клуба, окутала теперь и немолодую женщину, и высокого, костистого старика. – С неумолимостью смерти он приближался по усыпанной гравием дорожке к ветхому снаружи, но уютно и со вкусом обставленному изнутри одноэтажному домику, одной из многочисленных построек, призванных в былые времена служить уголками счастливого детства.

Едва наступил мрак, силуэт старика остановился. Похоже, незванный гость испугался – слишком зловеще вдруг завыл ветер в голых ветвях охранявших дорожку деревьев. Или просто осознал, что окружавшая его ночь способна не только ждать, когда ее разгонят первые лучи солнца, но и бороться за свое существование, наносить ответные удары, подкарауливать, губить...

Но, кто знает: старик слишком долго боялся, и теперь, когда до последнего края оставалось недалеко, вполне мог набраться отчаянного бесстрашия. И остановился лишь, чтобы перевести дух. Ведь пришлось потерять немало сил и времени, прежде чем после лекций и задания кафедры он добрался сюда: скользкая, узкая дорога петляла между бесконечных полей, надвигалась темнота, а свечи были мокрыми, и на переездах мотор чихал...

Нет, он действительно испугался. Это стало ясно, когда, постояв секунду в нерешительности, старик съежился (Чувство бессилия перед искалечившей его жизнь силой?) и уже не широкими шагами, а мелкой трусцой посеменил обратно к выходу.

И, будто сигнал отбоя тревоги, в маленьком, темном домике прозвучал телефонный звонок. Немолодая женщина сбросила с себя тоскливое оцепенение.

– Карантин, – привычно, по-военному ответила она. И веледгне так уверенно:

– Возвращается к выходу... Да он просто не дошел!.. Есть! Так точно... поняла.

Она положила трубку. Тихо, но внятно выругалась. Словно отвечая на нецензурную брань, дождь забарабанил по крыше с новой силой. Женщина резко поднялась со стула, вышла из комнаты в сени, на ощупь сняла с крючка старомодный мужской зонт.

Через полминуты она уже спешила по дорожке в противоположную от главного входа сторону. К гаражу. Там она сядет за руль новенького «Жигуленка» и малоезжей дорогой доберется до перекрестка, через который позже неминуемо проедет и старик. Главное было оказаться на перекрестке раньше него. А уж незаметно проводить незванного гостя до дома, попутно выяснив, где он живет, она как-нибудь сумеет.

***

Неделю дождь лил не переставая, и все, о чем мечталось, чем жилось, – постепенно пятилось, отступало под натиском этой огромной влажной гидры. Она обхватывала мир своими мокрыми лапами, и он замедлялся, хлюпал. Низкое небо давило на виски, подскочила статистика скорой помощи, – больше инфарктов, инсультов. Милиция сталкивалась с бессмысленными, жестокими убийствами, а по обочинам шоссе у постов ГАИ можно было встретить не один искореженный автомобиль.

Но, слава Богу, в этот поздний час грязно-желтый рейсовый «Икарус» все еще благополучно тащился по окутанном мраком новогиреевским улицам, на каждом повороте опасно выхватывая ближним светом то столб, то уснувший газетный киоск, то пешехода, поднявшего воротник насквозь промокшего плаща. Мотор урчал, в затемненной кабине водителя временами ярко вспыхивал огонек сигареты, косые струи воды с бессильным ожесточением разбивались о стекла салона, так что после третьей остановки у Алексея постепенно возникло ощущение некоего разморенного покоя, временного сухого комфорта. Мозг стал вкрадчиво опутывать лень.

Он занял место сразу за кабиной водителя, видел салон автобуса лишь в смутном отражении на плексигласовой перегородке, ничто не беспокоило, не отвлекало и, по большому счету, мог вполне позволить себе вздремнуть минут пятнадцать-двадцать, благо дорога предстояла сравнительно неблизкая. Перед остановкой же, на которой ему нужно было выходить, автобус

проезжал по ремонтируемому участку улицы – тряска на колдобинах неминуемо заставила бы Алексея проснуться.

Но разве в такую погоду можно спать! Странные попадают люди, – утверждают: в дождь достаточно закрыть глаза, как сон окутает тебя сам. Вот уж неправда! Когда от земли поднимается влажный, гнилой запах, а опавшие осенние листья быстро превращаются на асфальте в бурое месиво, сон уже не может приходить и уходить, как награда за усталость, за четверть-часовое ожидание на продуваемой сырым ветром остановке.

Не отдавая себе отчета, он постоянно боялся наступления подобных дней. Боялся и ждал. Потому что всегда было интересно. Они походили на напряженную ночную погоню, – опасную неожиданными засадами ускользящего противника, ловушками на темных лесных тропах, но вместе с тем, полную изумительного восторга борьбы, где шансов на победу, удовольствие немного, и тем ценнее каждый из них.

Когда по обыкновению осенней поры полил дождь, у него появилось два новых, которые он, склонный все в жизни учитывать по бухгалтерски точно, окрестил шансом номер один и шансом номер два.

Водяные подтеки на стекле поползли вбок, – автобус прибавил скорость на прямом, длинном участке маршрута между двумя остановками. У водителя вполне мог найтись повод для спешки, – желание наверстать упущенное время по графику или получить возможность сыграть лишнюю партию в домино со своими товарищами на конечной остановке. Был ли смысл нервничать и раздумывать над тем, как ускорить достижение желанного результата у Алексея? В конце концов, шанс номер один требовался ему больше для потворства собственной жадности. Но шанс номер два!..

Откуда, черт возьми, взялся в вечерний час да по такой погоде контролер?! – этого Алексей понять не мог. И наверняка, до последнего момента, до фразы «Предъявите билет!» так бы и не заметил, – ведь сидел-то спиной к салону, – рослого дядьку, которому, казалось, самому неудобно было тревожить немногочисленных пассажиров. Тем более, что время для проверки действительно не подходило. Спасли два парня, сидевшие, в свою очередь, спиной к Алексею. Они-то засекли опасность вовремя: «Глянь, контролер!» – бросил один другому.

Алексею этого было достаточно. Парни, то что автобус уже тормозил перед остановкой, да еще проверка началась от задней двери, – все вместе уберегло его от штрафа. Подхватив сумку, он выскочил из автобуса.

И оказался не на своей остановке. Ступив на мокрый асфальт, под дождь, мимоходом заметил, что в автобус поднялась простоватого вида широкоскулая, молодая женщина. Чем-то напоминавшая ему шанс номер два.

***

Профессор перевернул очередную страницу и вдруг почувствовал, – голоден, с обеда крошки во рту не было, даже голова начинала побаливать. Но любопытство взяло верх, – продолжил чтение:

«По его указанию из числа чекистов были созданы группы обследователей детских учреждений...» – глаза профессора выхватывали из текста ключевые фразы, способные прояснить мучивший вопрос, – «...Забора о детях есть лучшее средство истребления контрреволюции... Наш аппарат один из наиболее четко работающих. Его разветвления есть повсюду...»

От последней строчки профессору стало не по себе...

Нет, он не испытывал страха за свою жизнь, хотя опасность была реальной. Пугало другое – ему могут не дать завершить журналистское расследование, подобного которому еще не

было в его судьбе, – сначала корреспондента, много позже – главного редактора, а теперь заведующего кафедрой факультета журналистики Университета.

Разветвления аппарата действительно были повсюду, – он был осведомлен об этом, как никто другой. Не эта ли тайная сеть, – подводная часть айсберга, – мешала ему каждый раз, когда он пытался заполучить какие-то фактические подтверждения догадки?..

– Послушайте, кругом столько свободных мест! Вы не могли бы не мять локтем мои бумаги?! – тихо, – все же библиотека! – но строго произнес профессор, обратившись к работавшей рядом с ним женщине. – Право... Будьте поаккуратней, вы мне мешаете! – уже более мягко, устыдившись, что вышел из себя, закончил он.

Эта женщина появилась в читальном зале через несколько минут после того, как профессор расположился со своими книгами и тетрадями на одном из рабочих мест. Не спросив разрешения, она с шумом отодвинула соседний с ним стул, уселась. Широко расставив локти, углубилась в чтение толстого справочника. . .

Усилив воли вновь сосредоточившись на материале, профессор через минуту позабыл о невоспитанной соседке. Факты попадались любопытные, – уверенным, размашистым почерком он начал делать выписки в большую клеенчатую тетрадь:

«Мы сперва, – писал старый чекист Ф. Мартынов, работавший в те годы в ЧК в Одессе, – были в недоумении, так как наше учреждение совсем некомпетентно было в этом вопросе. Но мы поняли... И приказ был выполнен».

Первоначальная растерянность чекистов была вполне ясна профессору, – мало что связывает детей и политическую полицию. Это уже потом партийная пресса постаралась обрисовать интерес шефа ГПУ к подрастающему поколению как вполне естественный и само собой разумеющийся. Ну а рядовые чекисты, тем временем, видимо, поняли, что в действительности стоит за новым направлением работы и... «Приказ был выполнен!».

Изданная трехсоттысячным тиражом, доступная всем биография Феликса Дзержинского во многом подтверждала мысли профессора, – он читал книгу через призму своих догадок.

«Пожалуй, стоит поработать над ней подольше», – подумал профессор и тут же почувствовал неприятную, сосущую пустоту в желудке. Учитывая его язву, это было нехорошим предзнаменованием. Пора собираться домой! Но прежде решил договориться с дежурной по залу, – пусть оставит для него книгу еще на день.

Профессор отодвинул стул и зашагал по проходу к столику дежурной. Будь он внимательнее – расслышал бы за спиной шум отодвигаемого стула, дробь каблуков.

Через несколько мгновений его обогнала невоспитанная соседка, спешившая теперь к выходу из зала. Под мышкой она зажала толстый справочник и... Прежде чем профессор вспомнил, что на столе у женщины не было никакой клеенчатой тетради, соседка успела скрыться.

Профессор кинулся следом. Его мрачные догадки подтверждались, – в этом теперь не оставалось сомнений!

***

Верочка, жена Алексея, вошла в комнату, держа в руках мохнатое индийское полотенце. Чуть наклонила голову, начала вытирать мокрые светло-русые волосы. Уютная блондинка с неспешными движениями и тонкими, интеллигентными чертами лица, – она как нельзя лучше вписывалась в квартиру, в комнату, интерьер которой словно специально был продуман так, чтобы попавший сюда человек случайно не ушибся об острый угол предмета мебелировки. Или не занозил ногу о попорченную паркетину: большущий ковер во весь пол, ковер на стене, два

мягких, плюшевых кресла, такой же, только более потертый диван, низенький кофейный столик, почти незаметный под кучей журналов, под вазами и вазочками с конфетами и фруктами. Темно-бордовые шторы закрывали длинный, во всю стену подоконник, широкое окно и дверь на просторную лоджию. Углы сглажены, тона приглушены. Эта комната в двухкомнатной квартире Алексея и Верочки служила гостиной и одновременно местом, где молодые супруги проводили большую часть времени. Разумеется, когда были дома. Здесь же стоял японский цветной телевизор.

Верочка перекинула полотенце через плечо, потуже завязала пояс белого купального халата, щелкнула включателем телевизора. Направилась в ванную. На экране появилась фигура эстрадного певца, но музыки не было слышно, – регулятор громкости стоял в нулевом положении. Она хотела вернуться, чтобы включить звук, как в комнате раздалась мелодичная трель телефона.

На лице Верочки вполне могло изобразиться раздражение, но ничего подобного, – она взяла трубку с совершенно бесстрастным, сдержанным выражением пухленьких губок, голубых глаз, спокойной линией аристократически темных, – при светлых волосах! – бровей. Жена Алексея была слишком интеллигентна и тактична, чтобы дать волю чувствам и тем самым нечаянно обидеть кого-либо. Пусть даже и телефон.

– Але-у, – подчеркнуто безразлично произнесла она.

И вслед уже темпераментно, радостно: – Лельчик, кисюньчик! Как рада тебя слышать! Куда пропала?..

Из трубки послышалось оживленное щебетание. Лельчику – Леле – Оле не терпелось поделиться с Верочкой своими проблемами.

– Або-орт? – удивленно протянула Верочка. – Ну ты даешь! Два аборта за полгода. И от кого, – от законного мужа! – сказав это, она на мгновение задумалась. А потом подвела итог своим мыслям: – Впрочем, чему тут удивляться? Это означает лишь то, что ты замужем за... за вполне здоровым мужчиной!

На этот раз лицо Верочки выдало ее чувства достаточно откровенно: красивые брови угрюмо сдвинулись к переносице, уголки рта опустились вниз. Несвойственная молодости безнадежность, усталость на секунды появилась в глазах хозяйки квартиры. Но она тут же постаралась избавиться от печальных мыслей, перевела разговор на другую тему:

– Знаешь, потрясающе, ходили с Алешей на выставку! Я тебе говорила – он у меня знаток старых голландцев. Вермеер, Хальс. Так вот...

Бороздки на лбу молодой женщины разгладились. Никто больше не мог заподозрить в ее лице печали. Если бы, конечно, оказался в этот момент рядом в комнате: в очень светлой, чистой и уютной. Отделенной, к тому же, от улицы не только стеной, окном с двойными стеклами, но и наглухо задернутыми шторами.

Так что осенний ветер напрасно с яростью атаковал парус многоквартирного дома, полукругом высившегося на краю жилого микрорайона. Верочке были совершенно не страшны его бессмысленные, злые порывы. Как впрочем и одинокий, пустой лунный глаз, заглядывавший сквозь неплотно прикрытые шторы в комнату.

Но глаз тем не менее заглядывал! К чему бы?..

Через пять минут стояния на безлюдной, погруженной в мрак, – ближайšie фонари не горели, – остановке, Алексею начало становиться не по себе.

«Вот невезуха, чтоб их всех!.. У метро автобус ждал, теперь из-за этого проклятого контролера – еще...» – он взглянул по сторонам. Ни души! В такой темноте водитель следующего автобуса вполне может не заметить его, а ведь остановка – по требованию. Сколько придется стоять? Тут и такси-то вряд ли поймает! Алексей шмыгнул носом, поискал в карманах платок, – промозглый, сырой холод пронизывал очень быстро. А вслед за холодом в тело вползал животный, на грани объяснимого страх, – чувство затерянности, неприкаянности в этом

огромном, бездушном и, как парадокс, – совершенно пустынным сейчас для него, Алексея, городе. Пожелай малолетние головорезы из ближайшего к остановке микрорайона выяснить, какого цвета у него – залетного – кишки, ни одна живая душа не придет на помощь. Хотя в каждой из бетонных коробок, стоящих по обе стороны улицы, – сотни, а то и тысячи жильцов, которые еще не спят. Смотрят телевизор, ужинают, ругают двоечников—детей, барахтаются в постели со своими женами, а он, Алексей... И ведь никому до его судьбы, да что там судьбы, просто до жизни, самого физического существования...

«Дристан! – обругал себя Алексей. – Распустил сопли вожжой. Им нет дела до тебя, тебе – до них. Пусть барахтаются сколько хотят. Имеешь возможность иногда помогать мужьям – и будь доволен!»

Мысль показалась приятной, Алексей улыбнулся. Ну вот: так-то лучше! Стоит отвлечься – время ожидания летит быстрее, а неуютное чувство отходит на второй план.

Ты ж мене пидманула // Ты ж мене пидманула... – тихонько начал напевать Алексей.

Стоп! Откуда он взял эту дурацкую, такую не его песенку?.. Конечно, и как забыл: шанс номер два! Глаза Алексея отрешенно уставились в одну точку, – далекое, освещенное красным абажуром окно. Незнакомое и неважное...

***

Цех чаеразвесочной фабрики даже Алексею, привыкшему к шумному, многолюдному помещению редакции, показался сумасшедшим домом. Машины, расфасовывавшие чай в картонные пачки, выглядели адскими нагромождениями цеплявшихся друг за друга шестеренок, цепных передач, подвижных металлических рычагов, – любая деталь каждую секунду двигалась, клацала, скрежетала, сцеплялась с соседней. Результат – Алексей, корреспондент столичной газеты, не разбирал половины того, что говорил сейчас взявшийся проводить его по территории и цехам фабрики инженер.

Алексей в последние недели готовил большой материал о чае: собирал «фактуру» в Грузии и близ Краснодара, уже посетил несколько чаеразвесочных фабрик в разных городах. Однако дело двигалось медленно – будучи по образованию журналистом-международником, Алексей одновременно трудился над статьей по проблемам арабского мира. Надеялся опубликовать ее в одном из «серьезных» журналов. Об этих планах в редакции газеты не знали. В противном случае, наверняка бы задумались: какой работе он уделяет больше внимания – основной или внештатной?..

После уютного директорского кабинета с просторными кожаными креслами, самоваром и чашками дорогого фарфора фабрика производила особенно неприглядное впечатление. Алексей теперь пожалел, что отказался

от рюмки коньяку, предложенной директором – с виду добродушным, а по настороженному прищурю глаз – обеспокоенным приходом корреспондента мужчиной. После хорошей, большой рюмки пятизвездного армянского легче воспринимались бы и мрачные стены цехов, и что успел вымокнуть до нитки за несколько минут, которые шли с инженером от управления фабрики до производственного здания, – морозящий дождичек не вовремя превратился в ливень. Меньше бы Алексей обращал внимания на першившую в горле мельчайшую чайную пыль. Он даже подумал: «Сюда стоит приходиться в респираторе!» Однако никто из работниц, похоже, на это обстоятельство внимания не обращал.

Они прошли цех и оказались у входа в полутемный коридор. Инженер уверенно двинулся вперед, за ним, стараясь не отставать, Алексей. Впереди тускло горела лампочка. Миновали несколько закрытых дверей. Буквой «г» коридор резко свернул направо. Инженер и Алексей

попали в просторную, тоже неважно освещенную комнату. Ее стены до потолка были закрыты широкими стеллажами, на них помещалось множество разномастных папок. Посреди комнаты под самодельным абажуром из куска толстого картона – два сдвинутых вместе конторских стола. Вокруг – около десятка колченогих стульев, некоторые даже без спинок. На одном из столов пытел, испуская пар, электрический самовар, рядышком – грубые фаянсовые кружки, кульки дешевой карамели.

Вокруг стола расселось четверо бабенок, пятая, самая молоденькая, лет двадцати трех, стояла возле самовара, держа в руках заварочный чайник и пачку турецкого чая. Все бабенки были в синих рабочих халатах...

– Мать вашу!.. – похоже не сдержавшись, позабыв на секунду приличия, матерно выругался инженер. Алексея покорило.

– Какого... вы здесь расселись? – доставая из кармана пачку папирос, продолжил инженер. Трясущимися руками изрядно пьющего человека, закурил одну. Бросил спичку на пол, придавил ее давно не чищенным ботинком..

Совершенно не смущенные таким началом, бабенки с любопытством взглянули на инженера, ожидая продолжения. Пока им было не до Алексея.

– Договорились: желаете попить чаю, по одной, по две, но сразу всем из цеха не уходить! Договорились. Так как с вами, лахудрами, по-хорошему, если вы на все договоренности класть хотели?! – почти закричал инженер.

– Виталий Сергеевич, дорогой, чего же нам, бабам, класть? У нас этого не имеется. Вот ты на нас иногда кладешь! – улыбаясь, с расстановочкой произнесла та, что держала в руках чайник

Бабенки прыснули. Инженер досадливо сплюнул на пол.

– А тебе, Татьяна... – произнес он, впрочем, более миролюбиво, не иначе, оценив тщетность попыток совладать с женским войском. Несколько мгновений смотрел только что говорившей бабенке в глаза. – Тебе, считай, больше других доверял... Что же ты меня обманула? Тимошкин, оказывается, день прогулял, а ты ему закрыла, так твою!.. – вновь выругался инженер.

– Ты ж мене пидманула // ты ж мене пидманула, – пропела Татьяна на украинский манер. Сняв крышечку, поставила чайник под струю из краника самовара.

– Вот, пожалуйста, – кивнул на нее инженер, обратившись к Алексею. – Татьяна Загодеева, нормировщица. Больше остальных на условия труда жалуется... С ней и поговорите.

– Чего? В чем дело-то? – на этот раз испуганно произнесла молодая женщина, уставилась на Алексея.

А он уже давно, с момента, когда вошел сюда, разглядывал ее: невысокая, с полной грудью, бедра – не широкие, но женственные, плавно очерченные тканью рабочего халата. Татьяна Загодеева была красива той вульгарной, броской красотой бабешек из рабочей среды, которая с годами быстро проходит, уступая место сварливому выражению лица и жирному, отвисшему подбородку...

***

Что-то в окружающей обстановке изменилось, мысли Алексея торопливо вернулись из дней недавних к настоящему. Нет, ничего страшного – просто окно, освещенное красным абажуром, погасло. Да за поворотом раздалось очень знакомое, сейчас ласкавшее слух, урчание дизельного мотора. Значит, подойти поближе к проезжей части, чтобы фары автобуса неминуемо выхватили его из темноты. Но тогда придется расстаться с грибком остановки и оказаться под проливным дождем. Однако тут выбрать не приходится! Алексей шагнул вперед.

***

– Ужинать будешь? – спросила Вера и отвела руки мужа от своих плеч.
– Не хочу. Желательно... – он заговорщицки подмигнул ей.
– Желательно чего?.. – действительно не поняла она.
– Ну этого... – Алексей вновь подмигнул, шагнул к жене ближе (теперь смысл до нее дошел). Он хотел произнести слово поточнее.

Предугадав намерение мужа, испугавшись, Вера не дала ему сказать:

– Нет, нет, я не в силах больше... Я не в силах слышать от тебя эти ужасные жаргонные словечки!

Она отошла от него к висевшему на стене прихожей зеркалу.

Алексей зло скривил губы, однако сдержался, промолчал. С детства ему были свойственны неожиданные для окружающих, да и для себя, резкие вспышки ярости, возникавшей мгновенно. Поводом мог служить любой пустяк. Он бил приятелей в песочнице – те неумело играли в предложенную им игру. Однажды с силой запустил хрустальной вазочкой в приходившую на дом учительницу музыки, – ей не понравилось, как он приготовил урок... Сейчас боязнь скандала заставила обуздать себя. Ведь иначе они наверняка лягут спать в разных комнатах.

– Отскакиваешь, словно тебе чужой! – тихо произнес он.

Впрочем, с нее достаточно выражения его лица – хищный, недобрый прищур глаз, выдвинувшаяся вперед, без того массивная, нижняя челюсть, искаженная раздражением линия тонких губ. В глазах Веры мгновенно заблестели слезы.

Словно удовлетворившись результатом, Алексей вздохнул, сел на стоявший в прихожей стульчик. Снял туфли. Уставился в красный половичок.

Красный абажур в том окне... Ужинать он сейчас не может. Какой тут аппетит – в голове крутится одно и то же...

«– Чего? В чем дело-то? – на этот раз испуганно произнесла молодая женщина, в упор посмотрела на Алексея. Сучьи глаза раскрылись шире прежнего.

Корреспондент нервно скомкал в кармане носовой платок. В сущности, Татьяна Загодева – самое интересное, что обнаружил на чаеразвесочной фабрике. Больше такую мог встретить лишь на мрачной, неуютной фабрике. Не в редакции, не в гостях у знакомых или в театре, а именно здесь: невысокая (приземистая рабочая лошадка), с полной грудью, бедра – не широкие (почему-то это особенно возбуждало), но женственные. Вульгарна, наверняка матерится, как грузчик, лет через десять превратится в сварливую сволочь из очереди...»

– Ах, черт, давай ужинать! – произнес Алексей и резко поднялся со стульчика.

Верочка смахнула ладонью слезы, деловито поспешила на кухню. Понимала: примерная жена обязана вовремя накормить мужа. Ужин – не разные шалости, которые вполне можно отложить...

«Теперь – до вечера или до завтра...» – подумал Алексей, направляясь в ванную комнату.

Там он долго и тщательно мыл руки. Затем ополоснул лицо горячей, пощипывавшей кожу водой. Взглянул на себя в зеркало, увидел покрасневшие глаза, кроваво-карминные после умывания губы. Порядок! С наслаждением, неспеша кутая лицо в полотенце, вытерся насухо. Похрустел пальцами, взял с полочки флакон туалетной воды «Данхил». Смочил ею виски, растер массирующими движениями. Еще лучше! Кожу начало жечь, но в голове сразу просветлело.

– Приток крови, дорогая Вера, – великая вещь! – не оборачиваясь произнес Алексей. – Судя по твоему появлению, ужин для нашего величества готов.

– Разумеется, ваше величество, – ответила она, глядя на отражение мужа в зеркале. – Даже яду в тарелку успели подсыпать. В нашем дворце все делается на мировом уровне...

***

– Послушай, отчего ты такой озабоченный? – спросила Алексея Вера, едва он положил руку на ее открывшееся в полах халата колено, больно сжал его.

Они успели поужинать и теперь сидели в гостиной возле низенького столика. Вера прихлебывала сладкий чай и листала томик Льва Толстого. Алексей пил из глиняной чашечки крепкий кофе и мрачно смотрел телевизор. По рассеянному взгляду становилось понятно – фильм его мало интересует.

Он убрал руку. Поставив чашечку на стол, поднялся с кресла. Приблизился к окну, резким движением распахнул плотные шторы.

– Ой, зачем? – не понравилось ей. – На улице мерзко!

Алексей наклонился к стеклу: в лицо повеяло холодом, дуло в щели между рамами. Отчетливо слышалось: капли ударяются о прозрачную преграду... Отчего озабоченный? Кто знает?.. Родной дедушка в семьдесят лет скончался от сердечного приступа в постели тридцатипятилетней любовницы, – слишком любила деда, чтобы беречь. По той же причине не старалась скрыть обстоятельства смерти...

Дождь лил и лил, наступавшая ночь и следующий день обещали безраздельно принадлежать пасмурной, с низкими рваными тучами, осенней погоде. С четырнадцатого этажа видно: город переменился. Улицы пустынные, даже на углу, возле молодежного кафе – никого, только «Жигуленок» с побитым багажником сиротливо мок под неоновой вывеской.

– Не озабоченный! – наконец ответил жене Алексей. – Супернормальный! Настолько нормален, что вам, ненормальным, кажусь отклонением от привычного.

Чертова погода! За окном так мрачно и уныло, – мысли в голову лезли сплошь невеселые. И хотелось вообще не думать, жить одними инстинктами. Похожими на электронный навигатор авиалайнера, – кругом бушует непогода, не видно ни зги, а воздушный корабль выбирает курс, не теряя высоту, не сбиваясь с проложенной искусственным мозгом линии... Алексей задернул шторы, отошел от окна. Зябко потер ладонью о ладонь.

– Говорят, для мужчины жена – одновременно кухарка, служанка и любовница... – Вера сделала паузу. Вгляделась в лицо мужа, пытаясь обнаружить в нем перемены.

Алексей бесстрастно, не прерывая, слушал. – Знаешь, после Венгрии (Вера побывала туристкой, – две недели, почти бесплатно, выгодная путевка комсомольского бюро «Спутник») отчетливо поняла – служанка и кухарка тебе не нужны. Что стоишь, как паяльник? – нервно спросила она и, не дожидаясь ответа, продолжала. – Верно, не нужна?.. Вспомни, когда вернулась, в квартире – идеальная чистота и порядок, а ты готовил на плите отличный обед...

– Да, – самодовольно произнес он, – не нуждаюсь, чтобы мне вытирали сопли!

– Но страдают же мужчины без женского ухода, опускаются, ходят по столовым... Остается – любовница, от слова «любовь». А ты... Кто я для тебя? Станок?..

– Началось: любовь, станок... – раздраженно произнес Алексей. – Слушай, был бы я беспомощным, распускающим по любому поводу нюни – тебе жилось легче?

– Может быть. Слабее, ты не был бы столь жестоким по отношению к близким. Ко мне, например.

– Хватит, замолчи! – приказал он.

– Не могу больше! – на грани того, чтобы разрыдаться, произнесла Вера.

– Не можешь?.. – ухмыляясь переспросил Алексей. И резко закончил: – Тогда ложись!

Вопреки сказанному полминуты назад, она послушно выполнила предписание. Не забыв при этом аккуратно расправить покрывало на диване...

***

Завтракал Алексей наутро вяло: неспешно разбивал скорлупу яичка, лениво намазывал хлеб маслом, под конец, неловко закидывая ногу на ногу, задел шаткий столик и расплескал чай из фаянсовой кружки.

– Господи, что ты такой вареный?! – негодовала Верочка. – Ешь быстрее. Сама спешу, а еще за тобой убирать.

Алексей пытался отшучиваться:

– Ты забрала мои силы. К черту семейную жизнь.

Супружеская постель доканает меня...

Какой там! Хотел бы он сейчас быть просто обессиленным. Все наоборот: страсти горели с температурой лучшего каменного угля. Недаром на улице целую неделю – мрак и дождь! Дело в другом: проснувшись, скинув ноги с кровати, неожиданно понял, – выхода желанию не предвидится, шанс номер два не станет его собственностью. Для Татьяны Загодеевой, простой фабричной бабенки, он, прежде всего, корреспондент столичной газеты, интеллигент. Наверняка полагает: с подобной ей он хотеть, – разве что окажутся на необитаемом острове, где будут, как Адам и Ева, единственными мужчиной и женщиной, – не может. Как она воспримет заигрывания? Только в качестве юмора. Пока будет думать, что шутит, минует время и ему придется сунуть под мышку папочку и, навсегда распрощавшись с фабрикой, уходить. Возможности увидеть Татьяну больше не предполагается. Не стоять же в конце дня у проходной!

Проклятая социальная разница! Оказывается, спуститься на несколько ступенек порой сложнее, чем вскарабкаться наверх, стоящая внизу не поверит в симпатию. Заподозрит насмешку.

Но как хотелось с головой зарыться в лежавший на дне ил! Знал, – перемочь состояние не удастся. Если не получится с Загодеевой, – а сегодня решил – наверняка так и выйдет, – будет искать другую, аналогичную. Именно техническое слово. С очередной тоже вероятно неудача. Но Татьяна Загодеева уже невольно включила в нем механизм желания, – каждый новый день, не принеший удовлетворения, исполнится жаждой. К черту! Алексей поставил на стол кружку с недопитым чаем так, что звякнула остальная посуда.

Верочка обернулась, внимательно посмотрела на него, но промолчала, – знала: в голове мужа частенько бродят не касающиеся ее мысли. Не стоит им мешать...

Необходима решительность, – покончить с вопросом в ближайшее время: или завяжет с Загодеевой неофициальные отношения или... Главное тогда – не заикливаться на желании. Не удалось реализовать, – немедленно задушить, отвлечься. Такой опыт был. Не в первый же раз очень хочется определенную женщину, а ничего с ней не выходит. С шансом номер один дело верное, – вдарит по нему. И дым коромыслом! Пропьет, позабудет неудачу.

Но существует загвоздка: с Загодеевой решится через неделю, не раньше, – именно в такой срок вновь идти на чаеразвесочную фабрику. Ожидание не перенесет: станет нервным, переругается со всеми в редакции, а уж по поводу Верочки сомневаться нечего – доведет до истерики... Жену стоило пожалеть... И единственное, чем мог ей теперь помочь, – встретиться с Загодеевой не откладывая, сегодня.

Алексей не заметил, как бросив недоеденный завтрак, поднялся из-за стола, перешел в гостиную, начал звонить главному редактору. Предлог для изменения корреспондентского задания (по плану значилось: считка материалов с авторами, «снятие» вопросов) был. Слава Богу, повод пойти куда хочется у журналиста

найдется. Решил сказать главному: нужно срочно посетить фабрику и уточнить несколько цифр. Иначе, безусловно, материал выйдет неконкретным. А кому охота позорить себя плохим, «обо всем и ни о чем» материалом! Да и читатель предпочитает строгие факты!

***

Дождя не было, – прекратился под утро. Впрочем, небо оставалось пасмурным и затишье выглядело непрочным. Пожилые люди и домохозяйки, выбравшиеся до полудня в магазин, торопились завершить покупки и возвратиться домой прежде чем лучи подернутся кругами от первых капель, а кроны деревьев замашут голыми сучьями, встречая ветер.

Алексею же предстоял долгий день, – путь лежал на чаеразвесочную. Но он скорее согласился бы вконец простудиться, нежели изменить маршрут...

Краснокирпичные здания цехов выглядели нынче особенно угрюмыми. Окруженные глухим забором, больше походили на тюрьму, но никак не на место, где свободный человек может реализовать благородную потребность трудиться. Взять хотя бы узкие оконца, – глядя на них, Алексей сразу представлял дно колодца, на которое сверху, в распахнутый люк, падает жиденький сноп света. Впрочем, это только его фантазия. Ведь цеха фабрики освещались электричеством.

На проходной потерял минут двадцать, – созванивался с директором фабрики, заказывал пропуск. Еще минут пятнадцать плутал без провожатого по территории. В прошлый раз особенно не старался запоминать расположение цехов, проходов, зданий. Наконец, больше по наитию, – народу вокруг, как назло, не было, спросить нельзя, – ввалился в подъезд. Через секунду узнал место, —

нужное! Справа от входа – приметный гипсовый бюст Ленина. Итак, у цели!

Словно спортсмен, готовящийся к прыжку, с шумом выдохнул воздух. Обернулся: позади него в подъезд нырнул рабочий. Сквозь приоткрывшуюся дверь Алексей увидел: по асфальту ударили первые капли дождя. «Только так это и могло начаться!» – подумал он.

***

«Ребенок, по крайней мере на вид — недоразвитый», – в первое мгновение показалось Алексею. Мальчик сидел на полу комнаты, где корреспондент впервые увидел Загодееву, и возился с облезлым плюшевым медведем.

– Здравствуйте, я к вам, – подняв глаза от дитяти, пускавшего на грязный пол слюни, сказал Алексей. Голос прозвучал сипло.

– Ваш?.. – спросил он, в упор уставившись на Загодееву, показывая на мальчика рукой.

– Мой... – протянула она испуганно. – А вы чего пришли? Или тогда не все расспросили?..

Закрыв амбарную книгу, Татьяна Загодеева поднялась из-за стола, улыбнулась. Как и в прошлый раз, из-за золотого зуба ее улыбка показалась Алексею вульгарной.

– Чего-то корреспонденты к нам зачастили... – она сделала несколько шагов ему навстречу.

Алексей ухмыльнулся и, не стесняясь, жадно оглядел ее: темные волосы завиты кольцами, – перманент, в овале лица нечто монголоидное, особенно скулы. А губы накрашены ничуть не слабее, чем у европеизированной шлюхи, продающей себя на «уголке» у «Националя». Плечи довольно развитые. Талия молодой работницы была скрыта просторным халатом, однако по упругим и легким движениям представлялось: крепкая, еще не успевшая ожиреть, сильная самка. Красивые, немного волосатые ноги обуты в стоптанные домашние тапочки.

Алексей шагнул ближе к Загодеевой и теперь стоял возле ее сынишки:

– Нечего бояться корреспондентов. Такие же люди... С простыми желаниями, – нарочно медлил, не доставал блокнот, не задавал вопросов. Разводить церемонии, демонстрировать до норы безразличие и сугубо деловой, якобы, интерес, – не в его правилах. Алексей порой оставался с носом, но не жалел о наскоке. Объяснял себе просто: «Их столько, что если с каждой разводить мерихлюндии, – сил не хватит! Пятеро скажут нахал, другие пятеро подумают – настоящий мужчина, не робкий импотент!»

В этот момент мальчик перестал трепать и без того рваное медвежье ухо, потянулся ручонкой к грязным ботинкам незнакомого дяди. Алексей мгновенно шагнул в сторону. Мальчонка непонимающе поднял совершенно безволосую, бугристую голову и взглянул на дядю. Лицо его стало обиженным. Из уголка рта потекла слюна.

– Дома оставить не с кем, – извиняясь, пробормотала Загодеева. – У свекрови брат умер. Муж с ней во Владимире. На похоронах. С утречка проводила и вот... Сережка, не трогай грязные ботинки!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.